

РЕЦЕНЗІЇ. БІБЛІОГРАФІЯ**МАКСИМОВ К.Н.**Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук,
доктор исторических наук, профессор (Россия)**С.А.Кропачев, Е.Ф.Кринко. Потери населения СССР в 1937-1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. - М.: РОССПЭН, 2012. - 350 с.****MAKSIMOV K.N.**Kalmyk Institute of Humanities Research of Russian Academy of Sciences,
Dr. (History), Professor (Russia)**S.A.Kropachev, E.F.Krinko. Population losses of 1937-1945 in the USSR: scale and forms. Domestic historiography. - M.: ROSSPEN, 2012. - 350 p.****МАКСИМОВ К.М.**Калмицький інститут гуманітарних досліджень Російської академії наук,
доктор історичних наук, професор (Росія)**С.А.Кропачов, Є.Ф.Кринко. Втрати населення СРСР у 1937-1945 рр.: масштаби та форми. Вітчизняна історіографія. - М.: РОССПЕН, 2012. - 350 с.**

Новая книга известных российских историков С.А.Кропачева и Е.Ф.Кринко посвящена советской и современной российской историографии масштабов и форм репрессий и потерь населения СССР в 1937-1945 гг. В ней анализируется историография одного из самых сложных и противоречивых периодов в истории России, вызывающих в последние годы широкий профессиональный и общественный интерес, и вследствие этого появившихся немало публикаций. Авторы монографии, построив её проблемно-хронологически, акцентируют внимание на вопросы массовых репрессий и Великой Отечественной войны, вызывающие острую полемику у исследователей, особенно потери и их демографические последствия для советского общества.

Анализ отечественной и зарубежной литературы по истории советской эпохи, сталинизма привел авторов к убеждению в необходимости раскрытия методологических проблем и научно-организационных форм изучения демографических потерь в рассматриваемый период. В связи с этим они выделяют конкретно-исторический подход, основанный на традиционном источниковедческом анализе комплекса документов. При этом авторы совершенно справедливо отмечают, что при исследовании вопросов о потерях важен компаративный анализ различных по происхождению и содержанию источников. Особенно это касается источников, характеризующих потери личного состава действующей армии в годы Великой Отечественной войны.

Для получения более объективных сведений о действительных масштабах людских потерь СССР в годы репрессий и Великой Отечественной войны в монографии использован историко-демографический подход, или иначе - метод демографического баланса, где главными источниками информации о демографических процессах являются статистические сведения, извлеченные из материалов переписи населения. Однако и этот вид источника требует всестороннего источниковедческого анализа, особенно при изучении вопросов его происхождения. В книге достаточно убедительно и научно-обоснованно проиллюстрировано на примере переписей населения СССР в 1937, 1939 годах.

Проведя анализ существующей методологии исследований форм и масштабов “*большого террора*”, вообще репрессий, в монографии сделан убедительный вывод о том, что она нуждается в обновлении и совершенствовании, особенно при использовании источников статистического характера.

Ценность рецензируемой работы состоит в том, что в ней обстоятельно рассмотрены вопросы терминологии, дефиниции комплекса терминов, выработан соответствующий

понятийный аппарат, способствующий глубокому исследованию демографических потерь в эпоху сталинизма. В работе раскрываются основные понятия при изучении темы политических репрессий, как “*террор*”, “*репрессии*” и их виды. Авторы обоснованно подчеркивают о том, что критерием для проведения субъектом террора выступает идеологическое обоснование и в том числе по этническому признаку. Здесь, видимо, необходимо добавить, что мотивы террора могут быть зависимы от времени, обстоятельств, цели правящего режима.

Уделено немалое внимание в книге понятию “*репрессия*” и его дефиниции. Авторы, соглашаясь с определением, данным в Законе РСФСР “*О реабилитации жертв политических репрессий*” (18 октября 1991 г.), акцентировали внимание на главных видах репрессий, имевших прямые демографические последствия (массовое применение смертной казни; лишение свободы и заключения в учреждения пенитенциарной системы государства; массовые депортации). При этом они выделили “*большой террор*”, локализовав его хронологическими рамками 1937-1938 гг. Если анализировать по краям, областям, республикам, по моему мнению, “*большой террор*” стартует уже в 1934 г. и во второй половине 1938 г. наблюдается заметный спад.

В книге правомерно анализируются в существующей историографии формы наказаний в советском государстве, в том числе и депортация, в интерпретации понятия которой сложились два подхода - в официальных документах и в литературе. Совершенно правильно отмечается, что в советских официальных документах отсутствует единая трактовка ее понятия. В современном законодательстве депортация характеризуется как принудительное перемещение лица за пределы государства. А в историографии термин “*депортация*” понимается как одна из форм политических репрессий, применяемая в виде принудительного перемещения групп людей, народов по этническому признаку в пределах данного государства. Из всех проанализированных работ они выделили понятие “*депортация*”, предложенное П.М.Поляном, который указал на наличие: вне судебного характера, тотальной направленности, цели “*изъять*” [так в документах органов, осуществлявших депортации. - К.М.] людей из исконных мест обитания и переместить их в новую, непривычную, рискованную для выживания среду. Мне представляется, необходимым добавить: принудительное перемещение групп людей, этносов, лишив их гражданских прав, превратив в неполноценных людей советского общества, заключив под гласный и негласный надзор, установив в местах спецпоселения особый режим с целью принуждения к труду, не создавая им необходимые социально-бытовые условия.

Говоря о депортации народов как о геноциде, авторы указывают на имеющиеся неоднозначные мнения в литературе по данному вопросу. Действительно, в официальных документах, зафиксировавших организацию и проведение депортации народов в Советском Союзе, не запечатлены явные указания властей на осуществление геноцида по отношению к депортируемым народам. Но по последствиям депортация фактически все же представляла геноцид, за исключением лишь по отношению к отдельным народам, переселенным в места с благоприятными природно-климатическими условиями.

В монографии в отличие от других вопросов незначительное внимание уделено проблеме реабилитации репрессированных народов. Советское государство после смерти Сталина начало поэтапное освобождение из-под административного надзора необоснованно репрессированных народов: амнистирование и восстановление в гражданских правах и при этом не всего народа, а отдельных его групп по категориям. Процесс реабилитации жертв политических репрессий, как известно, начался в соответствии с решениями XX съезда КПСС, с восстановления упраздненных национально-государственных образований депортированных народов по этническому признаку. В первую очередь проводилась политическая реабилитация, и почти одновременно экономическая, материальная реабилитация, постепенно - социальная и культурная. Правильно отмечается, что начатый процесс реабилитации в период “*хрущевской оттепели*” прервался с поспудной реанимацией культа личности Сталина, возобновился с распадом СССР и образованием суверенной Российской Федерации.

Одним из достоинств рецензируемой книги является то, что в ней вопросы развития институционализации исследований проблем определения масштабов и форм потерь советского

населения в годы репрессий и Великой Отечественной войны внимательно проанализированы и освещены. Прослежены пути становления нового научного направления - исторической демографии, научных, военных, официальных, общественных структур, занимавшихся и продолжающих изучение демографической ситуации в стране. Развитие этого научного направления зависело от проводимой идеологии правящим режимом, от степени его заинтересованности в появлении объективных исследований о людских потерях в указанных событиях 1937-1945 годов.

Кардинальные изменения в разработке, как авторы отмечают, произошли в годы “перестройки” с образованием Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, в Отделении истории АН СССР Комиссии по установлению истинных потерь населения СССР под руководством академика Ю.А.Полякова, учреждением Всесоюзного добровольного историко-просветительского общества “Мемориал” (ныне - Российское), Координационного центра Министерства обороны Российской Федерации по увековечиванию памяти защитников Родины и ряда различных общественных организаций. Все это способствовало обогащению историографии о масштабах и формах репрессий и потерь советского населения в 1937-1945 гг. Следует отметить, что это научное направление ныне значительно активизировалось с созданием Российского исторического общества во главе с С.Е.Нарышкиным, председателем Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Значительное внимание оправданно уделено современным формам представления исторических знаний, периодизации историографии Великой Отечественной войны, которая до последнего времени не была лишена общественно-политической конъюнктуры. Особенность данного труда состоит в том, что авторы предложили свою периодизацию историографии потерь советского населения в 1937-1945 гг., выделив в нем два основных этапа - советский (1930-1980-е годы) и современный (постсоветский) с конца 1980-х годов, которые в свою очередь распределены по периодам. При этом они, проанализировав развитие историографии исследуемой проблемы сквозь призму совокупности внутренних и внешних факторов, удачно определили их критерии. Совершенно справедливо отмечается, что оценки историков советского периода в определенной степени менялись, их исследования находились под идеологическим контролем, важнейшие источники им были не доступны. В постсоветской историографии наблюдается отход от догматизированных положений, расширение источниковой базы исследований, новые концептуальные подходы.

Вторая глава монографии посвящена анализу историографии о масштабах и формах политических репрессий в 1937-1945 гг. Авторы начинают этот раздел с утверждения о том, что первыми историками политических репрессий были непосредственно их осуществители - И.Сталин, В.Молотов, Н.Ежов и другие руководители советского государства. Не отрицая их роль в создании истории, я все же их не отнес бы к категории “историков”, а их труды к исследованиям. По моему мнению, прежде всего, они являлись создателями, творцами источниковой базы истории репрессий. Это ясно заметно при изучении вопросов происхождения исторических источников по данной проблеме. Идеи, цели, идеологическое, политическое обоснование репрессий полностью исходили от них, также они выступали и авторами многих документов, особенно директивного характера органов партийной и государственной власти. Озвученные факты, сведения в их докладах, выступлениях ими не готовились, они являлись продуктами деятельности сотрудников соответствующих служб. Поэтому эти материалы исследователи всегда рассматривали и использовали как источники, в том числе и докладные более позднего времени (на имя Н.С.Хрущева). Тем паче авторы книги относят информации бывших политзаключенных (носителей знаний о масштабах репрессий) к источникам.

Историография темы массовых политических репрессий практически начинает получать свое развитие в период “оттепели”, но в связи с попыткой реабилитации И.Сталина эта проблема оказалась свернутой. А за рубежом, наоборот, в кругах эмигрантов заметно активизировались исследования по вопросам репрессий в СССР. Но в их трудах имеются

существенные расхождения в оценках, суждениях о репрессиях в СССР, количестве пострадавших, погибших в результате террора.

Тема сталинских репрессий прочно вошла в эпоху “перестройки”, в условиях политики “гласности”. Официально, можно сказать, был дан старт новому периоду в осмыслении этой проблемы в 1987 г. М.С.Горбачевым. Стали появляться не только публицистические, научные труды, но и произведения художественной литературы. Однако и в них в виду недостаточности источниковой основы имелись серьезные расхождения в оценке сведений о масштабах политических репрессий.

В книге утверждается, что следующая тенденция в исследовании сталинских репрессий и их последствий связана с открытием доступа к ранее засекреченным документам фондов некоторых архивов. Первым использовавшим источники подобного рода, по мнению авторов, является известный историк Д.А.Волкогонов. С этого времени численность о потерях в годы сталинских репрессий вызвала острую дискуссию, которую обстоятельно проанализировали авторы рецензируемого труда.

Авторы монографии пристальное внимание уделили феномену “большого террора” и его масштабам, осмысление которого сыграло важнейшую роль в становлении современной историографии сталинизма. Конкретная задача на уничтожение “врагов народа” была сформулирована решением пленума ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г., в развитие которого был принят ряд постановлений Политбюро ЦК ВКП(б), приказов НКВД СССР, установивших контингентов и количество по репрессированию, в том числе и по национальным республикам. В книге достаточно глубоко проанализирована историография “большого террора”, в которой показаны участие в его инициировании и реализации И.Сталина, Н.Ежова, А.Вышинского. В этой работе сделан совершенно обоснованный вывод о том, что массовые политические репрессии 1937-1938 годов имели для советского общества и государства серьезные негативные последствия. Произволу подверглись сотни тысяч ни в чем не повинных людей всех национальностей СССР.

Авторы отдельно выделили историографию истории ГУЛАГа (Главное управление исправительно-трудовых лагерей ОГПУ в 1930 г., с 1934 г. НКВД СССР) и спецпоселений, занимавшие ключевые звенья в пенитенциарной системе советского государства. В 1941 г. этому управлению подчинили все колонии НКВД и создали отдел трудовых и специальных поселений, который в 1944 г. был выделен в самостоятельную структуру. ГУЛАГ представлял довольно-таки разветвленную систему с 53 лагерями, имевшими многочисленные отделения и пункты, 425 колониями, более 2 тысячами спецкомендатур. Он распределял и перераспределял заключенных всех исправительно-трудовых лагерей. Интерес представляет в книге анализ историографии о спецпоселенцах и об их вкладе в развитие производительных сил северных и восточных регионов СССР. Изучение историографии показало, что система исправительно-трудовых лагерей и спецпоселений представляла мощный лагерно-промышленный комплекс, основанный на использовании принудительного труда и игравший значительную роль в жизни страны.

В рецензируемой монографии большое место занимает историография депортации народов СССР. Авторы правильно отмечают, что эта проблема в последние годы вызывает повышенный научный и общественный интерес. Объясняют проявление этого “интереса”, прежде всего, этнополитическими процессами, связывая с событиями военного времени. Но нам представляется, что активизация научного осмысления сложного, трагического периода в истории народов, переживших депортацию, связана с получением возможности на основе новых документальных источников, выявленных в рассекреченных фондах архивов, объективно осветить их историю военного периода. При этом, не оправдывая, снять необоснованные, ложно предъявленные им обвинения. Считаю, что именно эти факторы способствовали в национальных республиках активизации историков, развитию историографии депортации по этническому признаку.

В книге историография этнических депортаций проанализирована согласно предложенной авторами периодизации. Они совершенно справедливо указали, что отдельные исследователи отметили негативную роль эмигрантской публикации в судьбе самих репрессированных народов,

усиливая огульные обвинения этих этносов в антисоветских настроениях и действиях. Это находит подтверждение и в действиях калмыцкой эмиграции, нашедшей в годы войны приют у нацистов. Они активно выступали и пропагандировали нацизм, вели антисоветскую пропаганду от имени всего калмыцкого народа, не имея на это никаких полномочий, ни социальной опоры и организационной связи с советскими калмыками.

Авторы, выделяя новый этап в развитии историографии депортации, связывают его с общим изменением обстановки в стране в 1990-е годы, с возобновлением реабилитации жертв политических репрессий, с введением в научный оборот новых документальных материалов, на основе которых стало возможным правдиво освещать прошлое. В книге достаточно основательно проанализированы труды историков, раскрывающие причины депортаций. Выявив различные мнения, суждения, оценки по многим вопросам, авторы пришли к обоснованному выводу о необходимости продолжения исследования данной проблемы.

В рецензируемом труде имеется специальная глава, посвященная оценке демографических последствий Великой Отечественной войны. Это правомерно, поскольку народы СССР на алтарь Победы положили многомиллионные жизни. Изучение потерь в Великой Отечественной войне имеет значение не только научное, но и высокий нравственный и общественно-политический смысл. Авторы, рассмотрев историографию вопроса потерь, объективно отмечают, что исследования, осуществленные в советские годы, были подвержены идеологии, политической конъюнктуре в угоду правящему режиму, которому было выгодно приуменьшить потери в Великой Отечественной войне, скрыть от народа истинную численность убитых, раненых, пропавших без вести и попавших в плен.

Новые оценки масштабов потерь СССР в военное лихолетье стали появляться в период «оттепели», но и они не были лишены политической конъюнктуры, преподнося различные цифры о потерях в войне - от 20 млн до 30 млн людей, а в зарубежной литературе диапазон разночтений в этом вопросе более внушительен - от 22 млн до 50-60 млн человек. Подлинные размеры наших тяжелых потерь скрывались длительное время от народа, вплоть до 1990-х годов. Впервые стали называться цифры прямых потерь - 26-27 млн. Имеющиеся публикации, исследования свидетельствуют, как отмечают авторы, политизация военной темы и сегодня затрудняет установить подлинную численность потерь советского населения в 1941-1945 годах.

В годы Великой Отечественной войны, как известно, Красная Армия понесла большие безвозвратные потери личного состава. Ни в зарубежных, ни в отечественных исследованиях до сих пор не имеется единого мнения о количестве людских потерь Советского Союза в минувшей войне. По подсчетам авторов новейшего справочного издания «Книга потерь», безвозвратные потери списочного состава военнослужащих составили 8668400 человек, из них пропали без вести и попали в плен - 4559000. По данным Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий, в плену оказались 4069600 солдат и офицеров Красной Армии. По сведениям немецкого историка К.Штрайта, общее число советских военнослужащих, оказавшихся в плену у немцев, составляло 5734528 человек. Профессор Рурского университета Б.Бонвеч указывает на две официальные цифры, свидетельствующие о количестве советских военнопленных в Германии - 5246 тыс. (по данным Главного командования сухопутных войск) и 5744 тыс. (по данным военной разведки). Он отмечает, что официальных данных по числу погибших в немецких лагерях не существует. В фашистских концлагерях, по данным К.Штрайта, погибли 57,8% советских военнопленных, или 3300 тыс., а, по мнению Б.Бонвеча, не совсем известна судьба 2800 тыс. Согласно подсчетам отечественных составителей новейшего справочного издания, 2500 тыс. советских военнопленных не дожили до освобождения. А всего, по неполным данным сводки №45 Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР на 1 февраля 1946 г., количество выживших советских военнопленных в фашистских концлагерях составляло 2016480 человек [1-6].

При анализе данных о безвозвратных потерях в Великой Отечественной войне, на мой взгляд, следует иметь в виду сложившийся стереотип у граждан бывшего СССР со времен принятия сталинских приказов о военнопленных как о предателях, родные и близкие которых

до сих пор не могут преодолеть синдром страха за находившегося в плену. Помимо этого, следует учитывать и особенности отчетов командования воинских частей о потерях личного состава. Они, скрывая “худший показатель - плен”, увеличивали в безвозвратных потерях, как отмечается в историографии, “без вести пропавших”. Мне представляется, что говоря о потерях в Великой Отечественной войне и советских военнопленных, следовало бы обратить внимание на работы исследователей о судьбе пленных, репатриированных в Советский Союз.

Авторы монографии, проанализировав отечественную историографию Холокоста и проблемы определения численности его жертв, приходят к выводу о том, что она представляет одну из наиболее политизированных и идеологизированных проблем истории Великой Отечественной войны. Совершенно справедливо отмечается о выработке в историографии и в историческом сознании современного общества понимание того, что уничтожение евреев представляло собой составную часть общих нацистских планов преобразования мира и их реализации на оккупированной советской территории.

Рецензируемую монографию, несмотря на указанные выше замечания и пожелания, следует отнести к высоконаучному исследованию, и она представляет новый фундаментальный труд по историографии потерь населения советского общества в годы апогея политических репрессий и Великой Отечественной войны. Авторы, проанализировав доступную зарубежную литературу и значительный массив отечественной историографии по названной проблеме, выяснили, что в целом, советскими и современными российскими историками накоплен немалый опыт изучения масштаба и форм потерь и репрессий в СССР в 1937-1945 гг. Значение данного труда, помимо всего выше изложенного, в комплексном исследовании источниковой базы и историографии рассматриваемой проблемы.

---

1. Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г.Ф.Кривошеев и др. - М.: Вече, 2009. - С.50-51.

2. Штрайт К. “Они нам не товарищи...”: Вермахт и советские военнопленные в 1941-1945 гг. / Пер. с нем. И.Дьяконова, предисл. и ред. И.Настенко / К.Штрайт. - М.: АНО “Русское историческое общество” - НП ИД “Русская панорама”, 2009. - С.8.

3. Бонвеч Б. Советские военнопленные между Сталиным и Гитлером / Б.Бонвеч // Война на уничтожение: Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы. Материалы международной научной конференции (Москва, 26-28 апреля 2010 года). - М., 2010. - С.121.

4. Государственный архив Российской Федерации (далее - ГАРФ), ф.Р-9526, оп.6, д.933, л.60.

5. ГАРФ, ф.Р-9526, оп.6, д.284, л.117.

6. ГАРФ, ф.Р-9526, оп.6, д.285, л.166.

References

1. Velikaja Otechestvennaja vojna bez grifa sekretnosti. Kniga poter'. Novejshee spravocnoe izdanie / G.F.Krivosheev i dr. - M.: Veche, 2009. - S.50-51.

2. Shtrajt K. “Oni nam ne tovarishhi...”: Vermaht i sovetskie voennoplennye v 1941-1945 gg. / Per. s nem. I.D'jakonova, predisl. i red. I.Nastenka / K.Shtrajt. - M.: ANO “Russkoe istoricheskoe obshhestvo” - NP ID “Russkaja panorama”, 2009. - S.8.

3. Bonvech B. Sovetskie voennoplennye mezhdru Stalinym i Gitlerom / B.Bonvech // Vojna na unichtozhenie: Nacistskaja politika genocida na territorii Vostochnoj Evropy. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 26-28 aprelja 2010 goda). - M., 2010. - S.121.

4. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (dalee - GARF), f.R-9526, op.6, d.933, l.60.

5. GARF, f.R-9526, op.6, d.284, l.117.

6. GARF, f.R-9526, op.6, d.285, l.166.

Отримано 5.04.2014

* * *

Побачила світ наукова монографія Р.В.Тимченка *“Відносини Української Народної Республіки й Західно-Української Народної Республіки (листопад 1918 - квітень 1920 рр.)”* (К.: Інститут історії України НАНУ, 2013. - 347 с.).

У монографії здійснене комплексне дослідження проблем взаємовідносин УНР і ЗУНР у 1918-1920 рр., визначено передумови й причини об'єднувачого процесу, характеризуються події, пов'язані з умовами укладання Акту злуки, дається їх оцінка. Розкрито основні організаційні заходи по втіленню ідей соборної єдності України в політичній, економічній, військовій і культурній сферах, висвітлено розбіжності в зовнішньополітичних орієнтаціях політичних лідерів УНР і ЗУНР. Аналізується спільна боротьба українських армій у Наддніпрянщині. Визначено мотиви й наслідки укладання договорів лідерами УНР і ЗУНР із Добровольчою армією А.Денікіна й Польщею та вплив цих процесів на поразку Української революції 1917-1921 рр.

* * *

Вийшла наукова монографія дніпропетровської дослідниці О.Коник *“Депутати Державної думи Російської імперії від губернії Наддніпрянської України (1906-1917 рр.)”* (Дніпропетровськ: Герда, 2013. - 454 с.).

Увазі читачів запропоновано дослідження думського (парламентського) представництва від губернії Наддніпрянської України в Державній думі Російської імперії початку ХХ ст. Розглянуто персональний склад, соціальні зв'язки, детермінованість політичного вибору депутатів-представників різних соціальних верств, способи реалізації ними законотворчої та репрезентативної функцій. Думська й позадумська діяльність депутатів трактується як індикатор взаємин між владою і суспільством, які призвели зрештою до краху імперії у 1917 р. і започаткування української державності.

Для науковців, викладачів історії, вчителів, студентів і всіх, хто цікавиться історичним минулим України.

* * *

Вийшла друком монографія доктора історичних наук, професора, члена-кореспондента Національної академії наук України В.М.Даниленка *“Володимир Вернадський: віхи життя і творчості”* (Київ-Вінниця: ТОВ “Нілан-ЛТД”, 2014. - 298 с.; 20 іл.).

У книзі висвітлюється життя та діяльність видатного українського і російського вченого-природознавця, філософа і мислителя, громадсько-політичного діяча Володимира Івановича Вернадського, ім'я якого займає одне з найпочесніших місць у світовій науці поряд з І.Ньютоном, Ч.Дарвіном, А.Ейнштейном. Узагальнюючий біографічний нарис підготовлено на основі його праць, щоденників, листів, маловідомих або недоступних раніше документів і матеріалів. Життєпис подається у контексті суспільно-політичних процесів і подій, сучасником яких він був.

Монографія орієнтована на істориків, викладачів, студентів та всіх, хто цікавиться долею В.Вернадського, історією науки, минулим українського народу.